

Древняя столица Лушан располагалась в самом сердце Запада. Именно здесь Леветии снизошло божественное откровение, и отсюда он начал своё паломничество. Распространяя слово божие, пророк обошёл весь Варно, вернулся с последователями и основал город Лушан, который стал святой землей для леветианцев — как географический, так и духовный центр Запада.

Ныне Лушан и его окрестности принадлежали Леветианской церкви и назывались Патриаршими землями. Сегодня город посетила делегация Натры: их экипажи под стук копыт уже ехали по мостовой одной из улиц.

— На удивление Лушан из себя ничего не представляет, — пробормотала Ниним, глядя из окна кареты.

— Выглядит обветшало, — отозвался Уэйн напротив. — А в целом — типичный западный город.

В Лушане преобладала архитектура, свойственная всему леветианскому миру. Столица служила иконой для зодчих по эту сторону хребта: они возводили дома и дворцы с оглядкой на святой град.

— Хотя и веет от него чем-то иным, — добавил принц.

— Жутко от торжественной тишины. Горожан полно, и на всех кольца. В глазах так и читается благочестие.

Последователи Леветии в знак веры носили на шее два скрещенных кольца, которые делали в основном из металла. Оба были размером с запястье; первое символизировало всеобъемлемость бога, второе — мир, где Учение достигло каждого уголка.

Уэйн развёл руки:

— Паломников здесь не меньше горожан. Им создали все условия.

— На западе все дороги ведут в Лушан, — согласилась Ниним.

— Земледелию здесь предпочитают молитвы, и без всей паутины дорог даже Леветия сюда бы носа не сунул. — Парень окинул взглядом верующих: — И как они только носят эти кольца? Пощадили бы плечи.

— Напомню, что тебе тоже предстоит надеть его на Консисторий.

— Полегче не найдётся? Скажем, деревянный?

— Не достойно Твоего королевского Высочества.

— Вот морока... — проворчал Уэйн.

Карета прибыла на огромную центральную площадь Лушана, над которой нависало исполинских размеров здание — Апостольский дворец, резиденция патриарха. Монументальность строения захватывала дух, а богатство фасада и обилие скульптур поражало воображение. Ни один королевский замок не сравнится с ним.

— Схожу-ка, поприветствую демонов в их логове, — сказал Уэйн, разглядывая дворец. — Ниним, останься с Фланией в гостиной, которую они нам любезно предоставили.

Даже с крашенными волосами фламийцам лучше не совать нос в самое гнездо Церкви.

— Будь осторожен.

— В крайнем случае подпалю их и дам дёру, — подмигнул принц и покинул карету.

В сопровождении стражи он вошёл в Апостольский дворец.

«Вы только поглядите...» — прокомментировал про себя юноша.

Уэйн точно попал в иной мир. Льющиеся лучи солнца из витражей падали на стены и колонны из холодного камня, что устремлялись ввысь, в бесконечность, и едва прогоняли тень — до того высоко уходили своды дворца. Убранство здания не украшали ни серебро, ни золото; всё было выдержано в строгой торжественности, какая и должна быть присуща истинному дому наместника бога на земле.

Через гигантские парадные двери в обе стороны рекой тянулся поток людей. В простых одеждах, чуть ли не в лохмотьях, они шли вперёд с высоко поднятой головой. Казалось, то — образцовые последователи Леветии, но слепая вера и раболепный страх перед божественным лишили их человечности, отчего прихожане походили на кукол.

«А я оказался недалёк от истины, когда назвал дворец логовом демонов», — подумал Уэйн. — Всегда ли здесь было столь мрачно, или это заслуги их нынешнего повелителя?»

Стоило принцу одернуть себя от лишних мыслей, как...

— Давно же мы не виделись, Ваше Высочество.

По спине пробежал холодок. Парень обернулся и обнаружил в окружении свиты женщину

восхитительной красоты: её белокурые волосы переливались в свете солнца и блеска свечей, лицо сочетало очарование зрелой женщины и молодость юной девы, а в глазах таилась глубина бездны. С трудом верилось, что она вообще из мира сего.

— Какой сюрприз, — ответил Уэйн. — Вы оказали мне большую честь, встретив лично, Ваше Высокопреосвященство.

Перед ним стояла префект Апостольской курии — Кардмелия; женщина, которая добилась небывалых высот: выше — только Святейший синод. От всего её существа исходила отталкивающая таинственность, что никак не соответствовала избравшей стезю нести свет веры.

Уста Кардмелии сложились в пленительную улыбку:

— Ваше Высочество любезно приняли приглашение и сегодня — наш почётный гость. Иной приём отбросил бы тень на Патриарший Престол. Вы впервые посетили Лушан? Что скажете о нашей древней столице?

— Величественна и утончёна, как и подобает городу сердцу леветианства.

— Должно быть, именно так оно видится приезжим. Знаете ли, обыкновенно здесь куда тише и спокойнее. Уже давно Консисторий не проводили в Лушане, и оттого среди горожан царит праздник.

— И это праздник? Боюсь, в иной день я задохнусь от строгости местных нравов.

— Вы привыкнете... Однако не смею более задерживать Ваше Высочество, стоя здесь за беседой. Прошу, следуйте за мной — вас ожидают.

Не было нужды спрашивать, кто. Ведомые Кардмелией, Уэйн со стражей углубились в здание.

— Рад узнать, что с нашей последней встречи вы нисколько не изменились, Ваше Высокопреосвященство, — заговорил по пути принц.

— По милости божьей я в добром здравии.

Кардмелии перевалило за шестьдесят лет, но выглядела она лишь на тридцать. Если не на двадцать. Шла молва, якобы нынешний префект — другой человек и унаследовала имя предыдущей. Впрочем, слово чудовище описывало её лучше всего.

— Вероятно, это покажется грубым, но не поделитесь ли со мной секретом долголетия?

— Жить полной жизнью. Удовольствие — ключ к молодости.

— Не такой ответ я ожидал от последовательницы Леветии.

— Отказ от желаний — не единственный способ проявить верность богу. Его Величество Грюйер — тому прекрасный пример.

— Вот как? — Уэйн не смог не согласиться, когда Кардмелия упомянула пузо Грюйера. — И что же приносит удовольствие Вашему Высокопреосвященству?

— Направлять заблудших овечек, что сбились с пути. Видеть, как они находят свет — вот моя отрада, — ответила префект.

— Держу пари, вашими наставлениями в их жизни наступает поистине божья благодать.

— Молюсь, что так и есть.

Разговор сам собой стих. Шаги с гулким эхом разносились по коридору; безмолвные стены смотрели холодно, и тот же холод повис в воздухе между принцем и префектом.

Молчание нарушила Кардмелия:

— Насколько мне известно, Ваше Высочество крепко стоит на ногах.

— Полагаете? — усомнился Уэйн. — По мне, с тех пор, как я взвалил на себя бремя регентства, земля постоянно уходила из-под них.

— Достижения Вашего Высочества это отрицают. Вы можете гордиться... Но остерегитесь, ибо гордыня — один из смертных пороков.

— Мои достижения? Я лишь держал нос по ветру, — пожал плечами юноша.

На что женщина покачала головой:

— Отнюдь не многие на это способны, знаете ли. На Натру снизошло божье благословение, когда Ваше Высочество возглавило её в столь смутные времена.

— Увы, пока рано судить. На нашем веку мы увидим ещё не одно потрясение. Только будущие летописцы знают, стану ли я для своей отчизны спасителем или же врачом-шарлатаном, который оттягивал неизбежную кончину.

— Что же, вы совершенно правы.

— И это я ещё не упомянул приливную волну, что вот-вот накроет нас с головой.

Кардмелия с улыбкой отмахнулась от иронии Уэйна:

— Должно ли мне будет протянуть руку помощи?

— Доброта Вашего Высокопреосвященства бесценна, но в таком случае пучина поглотит и вас.

— Тонуть с Вашим Высочеством куда увлекательней, — хихикнула префект.

Вскоре они дошли до больших дверей. Слуги отворили её, и перед глазами открылся зал, в конце которого на престоле неподвижно сидел человек.

— Ваше Святейшество, регент королевства Натра, наследный принц Уэйн, — с поклоном представила Кардмелия.

Лишь после человек на троне вышел из глубокой задумчивости.

Перед Уэйном предстал патриарх Сильвериио — первый среди иерархов Святейшего синода и суверен могущественной Леветианской церкви.

— Ступайте вперёд, Ваше Высочество, — сказала префект.

Уэйн вышел в центр зала, собирая все мысли вокруг Сильвериио. Мужчина был уже в годах: низок, иссохшие руки испещряли глубокие морщины, глаза скрывала белая пелена. Трость у трона подсказывала, что и ноги уже подвели старца. Тем не менее, несмотря на видимую хрупкость, его с головы до пят покрывали внушительные одеяния — казалось даже, патриарх вскоре рухнет под их тяжестью.

Слухов вокруг Сильвериио витало немало. Одни говорили, что он держит строжайший пост — не ест и не пьёт месяц, якобы с колен не встаёт в молитвах за невинно усопших, будто лично приходит в логово бандитов наставлять их на путь истинный. Иные же твердили, словно патриарх — жалкая кукла, а за нити дёргает префект...

Пока Уэйн погружался в размышления, Кардмелия встала рядом с Сильвериио лицом к принцу. Тут-то и выяснилось, откуда бралась часть сплетен: с одной стороны была ещё цветущая Кардмелия, а с другой — похожий на увядшее дерево Сильвериио. И впрямь выглядело, точно ведьма тянула жизнь из патриарха.

И всё же Уэйн ни на секунду не снижал бдительности: в жилах человека перед ним текла самая драгоценная кровь в мире.

Все иерархи происходили из королевских семей, но Сильверิโอ — патриарх, и не владел мирским титулом: без высшего сана он обыкновенный священник. Однако даже так никто не посмел бы отнестись к мужчине как к безродному простолюдину. Ведь он потомок самого Леветии.

В Святейший синод вправе войти лишь те, кто происходит от пророка либо апостолов — его первых учеников. Изучать родословную невероятно трудно, а порой невозможно, и зачастую знать использовала власть и деньги, дабы в столь запутанном клубке обнаружить нужного предка. У большинства иерархов не было доказательств, что корнями они уходят к первым приверженцам веры.

Уэйн и Сильверิโอ — редчайшие исключения: их фамильные древа ясно демонстрировали происхождение. Впрочем, статус у них всё же разный: принц — потомок апостола, патриарх же — самого основателя.

Поколениями семья Сильверิโอ жила и отдавала себя богу в Лушане. Многие из них становились не только иерархами, но и достигали вершины Леветианской церкви. Отчасти это делалось, чтобы сохранить равновесие. Если члена Синода посвящали в сан патриарха, то его страна получала неоспоримое влияние. Дом Сильверิโอ же не владел землями.

Немало тратилось трудов и дабы возвысить статус родства. Уэйн не предавал особого значения происхождению, но и дворяне, и народ ценили родословную. Семья Сильверิโอ — из того же теста. Они потратили бесчисленные годы, чтобы едва не приравнять себя к святым.

И вот Уэйн стоял перед потомком этой поистине дьявольской фамилии и ведьмой, которая из потворства наслаждению отправляла людей на смерть. Всё равно что оказаться перед лицом дракона из легенд.

Принц поклонился и отчеканил, как по учебнику:

— Для меня великая честь встретиться с вами, Ваше Святейшество. Я прибыл из королевства Натра принять ваше великодушное приглашение на Консисторий.

Выровнявшись, Уэйн пристально посмотрел на Сильверิโอ. Старец никак не ответил, словно его ничто не заботило. Но вдруг он что-то шепнул Кардмелии. Принц ничего не разобрал, а префект между тем кивнула патриарху и повернулась к юноше:

— Его Святейшество приветствует вас.

Порой встречались государственные деятели, которые в угоду обособленности и

таинственности отказывались напрямую разговаривать с подданными. Тем не менее для Сильверии в его возрасте, скорее, просто тяжело повышать голос.

«Так не поймёшь, что он за птица, — сетовал Уэйн. — И что прикажете с ним делать?»

— Консistorий состоится завтра, — продолжила Кардмелия. — До тех пор извольте снять усталость в предоставленных нами покоех.

«Уже прогоняете?» — мысленно цыкнул парень.

— Весьма признателен за заботу. Однако перед уходом я намерен просить Ваше Святейшество назвать истинную причину, по которой вы пригласили меня в Лушан, — в лоб сказал Уэйн.

Кардмелия же точно знала, что он спросит.

— Как Его Святейшество упомянул в послании, над Варно нависли тёмные тучи, — доброжелательно улыбнулась она. — Никто не знает, когда хаос в Эсвальдии перекинется уже на наши земли, но считаем долгом его предупредить. От вас на Консistorии мы ожидаем услышать добрый совет, как вести себя с восточным соседом.

— Благодарю за ответ.

Уэйн кинул испытывающий взгляд на Сильверию — тот и бровью не пошевелил. Впрочем, принц уже ничего не ждал.

«А если спровоцировать?» — пронеслось у юноши в голове.

До патриарха было от силы пара шагов, стражи в зале по пальцам перечесть — Уэйн запросто бы встал перед лицом старца, чтобы посмотреть, испугается он, растеряется или же придёт в ярость.

«Бежать отсюда некуда, поэтому поднимать руку на святошу не стоит, — рассуждал принц. — Но можно приблизиться...»

Внезапно у самого горла Уэйна смертоносным холодом сверкнула сталь клинка, что юноша отступил на шаг.

— Что-то случилось, принц Уэйн? — вопросительно наклонила голову префект.

Только теперь парень понял: никакого кинжала нет.

«Да вы шутите...»

Это не из-за Кардмелии, да и стражники озадаченно смотрели на гостя. Лишь Сильверิโอ оставался непоколебим, точно камень. Вокруг него витал ореол, страшный и убийственный, от которого ко всякому будто прижималось остриё кинжала.

Недооценивать патриарха смерти подобно.

Ощувив, как по лбу пробежала бисеринка пота, Уэйн натянуто улыбнулся:

— Отнюдь. Устал с дороги — не более.

— Тогда я настаиваю: как следует отдохните в поместье, — повторно предложила Кардмелия.
— Я сейчас же велю подать карету.

— Пожалуй, воспользуюсь вашим радушием, не то слягу и не явлюсь на Консисторий.

— Его Святейшество и я ждём от Вашего Высочества искренности в своих суждениях.

— Пусть и не вижу, чем могу помочь, я приложу все усилия оправдать ожидания, — заверил Уэйн и поклонился обоим: — С вашего позволения.

Принц развернулся и вскоре скрылся за дверьми.

— ...Мелия, — донёсся до Кардмелии едва слышный хриплый голос. Она с трепетом сосредоточила на нём всё внимание. — Расцветёт ли наш цветок вместе с ним?

— Вне всяких сомнений.

— Хорошо... — прошептал Сильверิโอ. — Каким же бесподобным он будет... цветок, что покроет собой землю.

— Клянусь, однажды Ваше Святейшество его увидит.

Затуманенный взор патриарха устремился вдаль, и префект благоговейно поклонилась.

* * *

Лушан, особняк делегации Натры по прибытию из Апостольского дворца.

— ХОЧУ ДОМО-О-ОЙ! — сотряс истощный крик Уэйна стены одной из комнат, а после юноша рухнул в диван.

Стоявшая рядом Ниним облокотилась на спинку и со вздохом упрекнула:

— Консисторий даже не начался — и не думай.

Её привычный отказ только раззадорил принца.

— Чтоб я сдох! Мало мне было Кардмелии, так ещё и Сильвериио ничем не лучше! Оба явятся на Консисторий, и пропустить его нельзя — хоть пеньковый галстук примеряй! Полная задница! Господи! Ну за что?!

— Не ты ли на пути сюда грозился поставить префекта на место?

— Не было такого!

— Было.

— А-а-а! — взревел Уэйн. — К слову, что там Флания?

— Уже спит: готовится к завтрашнему приёму. — Ниним слегка улыбнулась: — Её Высочество намерена выступить там вместо тебя и хоть как-то облегчить работу.

Парень хмыкнул:

— И незачем ей так переживать. Впрочем, раз у сестрёнки бед нет, всецело отдамся Консисторию.

Вдруг в двери постучали, и оттуда выглянул слуга:

— Ваше Высочество, у входа ожидает посланец принца Тигриса — просит аудиенции.

Уэйн и Ниним переглянулись.

— Вели принять, — ответил регент.

Вскоре перед ним предстал и сам посланец.

— Я Фушто, подданный Его Высочества Тигриса, — поклонился мужчина. Он определённо находился среди числа тех, кто сопровождал Тигриса в его встрече с Уэйном и Грюйером. — Мне приказано передать Вашему Высочеству письмо и устное послание.

— Весь внимание.

Фушто неприкрыто уставился на Ниним.

— Она моё сердце и никак не может уйти, — произнёс Уэйн.

— Прошу прощения, но послание Его Высочества Тигриса первостепенной важности.

— Стало быть, она тем более должна присутствовать.

Мужчина скривился, и тогда принц пронзил его ледяным взглядом:

— Это моё последнее слово. Раз не достаёт сил смириться — проваливай; и передай принцу Тигрису: наш союз расторгнут.

— Мне очень жаль. Сказал, не подумав. Нижайше прошу прощения.

Тигрис бы ответил иначе, но Фишто всего-навсего слуга: угрозы Уэйна моментально заставили его сдаться.

Посланник вынул конверт из нагрудного кармана и протянул Ниним. На сургучной печати красовался герб Веланции. Девушка вскрыла и передала юноше: внутри оказалось письмо за подписью Тигриса и карта.

— Его Высочество назначил встречу с третьей стороной завтра вечером у заброшенной усадьбы в предместье Лушана согласно карте, — сообщил Фишто, пока Уэйн изучал глазами послание. — В письме об этом сказано подробнее.

— А, наш таинственный друг. И кто же он? — спросил принц, оторвавшись от бумаги.

— Мне жаль, но Его Высочество не посвятил меня в детали.

— Падок же он на секреты. Сообщи, что я буду.

— Всенепременно, — поклонился Фишто, попрощался и быстро удалился.

Проводив посланника взглядом, Ниним с упрёком в голосе нарушила молчание:

— И не к чему было упрячиться.

— Я и не упрямился — лишь настоял на очевидном, — развёл руками Уэйн.

Внутри фламийки смешались радость и тревога, и ей пришлось кашлянуть, чтобы прийти в себя.

— Значит, всё-таки пойдёшь?

— Всё-таки да. Как думаешь, кто наш неназванный союзник, м?

Ниним ненадолго задумалась.

— Наверняка иерарх, — предположила она. — Но точно не король Грюйер. Принц Мирослав заодно с королём Скреем — они тоже отменяются.

— Либо Стил, либо Агата.

— Сильвериио до того силён, что до подковёрных игр ему нет дела — вот и остаются лишь герцог да консул. Помнится, ты полюбился его светлости художнику.

Уэйн брезгливо сморщился:

— В какой-то мере, хотя я не в восторге... Как вспомню — мороз по коже. Не хочу с ним дружить. А вдруг Скрей сделал ход конём?

— Тогда и Мирослав мог внезапно сменить планы. К примеру, оттого, что каваринский король оказался не столь сговорчив.

— Разве не стоило ему в таком случае поспешить ко мне? Впрочем, не удивлюсь, что Мирослав не горит желанием связываться со мной, поскольку я не держусь их правил, в отличие от того же Скрея. Гм, если мы всё же объединимся...

Уэйн сложил руки на груди и задумался. Принц имел дело с иерархами: за тёплыми улыбками они прячут дьявольские интриги. Неудивительно, если кто-то уже заготовил засаду в самый неподходящий момент.

— Кого предпочтёшь?

— Неважно. Лишь бы слушали и не вставляли палки в колёса.

— И кто бы это мог быть?

— Никто.

Категоричность сюзерена даже вызвала на лице девушки крошечную улыбку.

— А вдруг Кардмелия — что тогда? — поинтересовалась она.

— Меня и след простынет, — сходу ответил Уэйн.

«И ведь не шутит», — подумала Ниним.

Парень махнул рукой:

— Едва ли Тигрис пошёл с ней на сговор: трудно вести дела с тем, кто глух к логике и фактам.

— Тогда изучим оставшихся претендентов — Стила и Агату — до завтрашнего вечера?

— Почему бы и нет?

С решением Уэйна Ниним не мешкая отправилась наводить справки.

* * *

На следующий день Флания, которая поселилась в том же поместье, встала раньше обычного. Как правило, принцессе нужно было время, чтобы окончательно проснуться, но и в этом сегодняшнее утро отличалось: девушка шлёпнула себя по щекам, выпрыгнула с плenuющей мягкостью постели и выскочила из спальни.

— Бодры с первых лучей солнца? — заметила фрейлина, помогая Флании одеть платье.

— Ну конечно! — горделиво ответила принцесса. — Мне столько всего нужно сделать.

Сегодня ей предстояло общаться с властителями мира вместо брата. В последний раз подобная возможность выпала девушке в Мильтасе, и что тогда, что сейчас она никак не унималась.

Флания оделась, фрейлина с поклоном удалилась, и из ниоткуда возник Нанаки.

— Смотри не выгори, — буркнул парень.

— Тревоги и волнение мне нипочём — я прекрасно выпалась!

Принцесса и впрямь чувствовала себя живой, как никогда, а сердцу так и не терпелось «в бой». Девушка верила: сегодня всё получится.

Только Нанаки считал, что такими темпами к вечеру Флания рухнет от усталости. Но он промолчал: это его никак не заботило.

— Сперва самое важное, — звонко объявила принцесса и зашагала к двери. — Надо согласовать дела на сегодня — идём к Уэйну.

— Вчера же обсудила, — вяло отозвался юноша, плетясь сзади.

— Да ладно тебе.

«Лишь бы с братиком повидаться», — посетовал он. Его чуть ли не волокли за руку.

Они миновали коридор. Уже возле комнаты Уэйна Нанаки кое-что заметил и шикнул витавшей в облаках хозяйке:

— Подожди.

— А? Ты чего?

Парень оставил девушку без ответа, тихонько приоткрыл дверь и, заглянув в неё одним глазом, попытался закрыть.

— Да что там такое? — не выдержала Флания, опёрлась на плечи Нанаки и выглянула...

В комнате были Уэйн и Ниним.

— Стало быть, сперва нанести краску на расчёску, а после провести ею по волосам?

— Да, но тогда ты испачкаешься.

— Пустяки. Давай, Ниним, посмотри в зеркало.

— Ладно-ладно.

Перед Фланией предстало необычное зрелище: Уэйн красил волосы Ниним. Сюзерен возился со слугой — и где такое видано? Одним словом, табу.

— Сама я бы быстрее справилась.

— Брось. Дай попробовать разочек.

— И не уймёшься ведь...

Уэйн торжествовал, Ниним смущалась. Флания восхищалась ими и не ожидала увидеть в такой близкой обстановке. Её личико залилось румянцем. Внезапно для себя девушка решила, что лучше оставить их наедине.

— Эм-м, ну, не будем им мешать... — пролепетала она.

— Правильный выбор, — согласился Нанаки. — А ещё ты тяжёлая.

— Враньё.

— Эй, за дверью, — окликнул Уэйн, когда услышал шушуканье. — Долго ещё стоять будете? Заходите.

— Х-хорошо.

Выбора не осталось, Флания вошла в комнату. Ниним уже с лёгкой улыбкой стояла в углу вдали от зеркала, отчего принцесса даже испуганно охнула.

Уэйн отложил расчёску и развернулся:

— Так с чем, говоришь, пожаловала ко мне в столь ранний час?

— Н-ну, хотела обсудить дела, — неуверенно ответила Флания.

— Итак, — с кивком начал принц, — я утону в донесениях, ты развлечёшься на рауте, а Ниним разведает уговорённое место встречи.

— Что за место встречи? — смутилась девушка.

— А, ты ведь уже спала. Вчера к нам заглядывал посланник Тигриса передать от него пару слов. Завесу тайны третьего союзника я раскрою этим вечером.

Флания знала, что брату предстоит секретно повидаться с Тигрисом, и теперь на кону в её сердце поселилось беспокойство.

— Всё будет хорошо?

— Опасности всегда поджидают нас, но в этом случае оно того стоит, — пожал плечами Уэйн.

— Я сделаю всё возможное, чтобы их избежать, — заверила Ниним, мягко положив руку на грудь.

Принцесса кивнула. Парочка не развеяла все страхи, но они явно что-то задумали, и девушка им доверяла.

— Также я заготовил для тебя список важных людей, с которыми стоит повидаться, — добавил Уэйн, когда взял со стола бумажку. — Что-нибудь ещё?

Флания помотала головой. Юноша погладил её по волосам:

— Уж не подведи. Знаю, немного боязно, но ты справишься.

— Да! Мне всё по плечу! — в миг просияла девушка.

Жизнь, что было истощилась, забурлила в ней с удвоенной силой. «Принцесса я или кто?» — строго спросила с себя Флания.

Вдруг Уэйн повернулся к Ниним:

— На чём мы там остановились?

— Ваше Высочество, вы уверены? — усомнилась та.

— Самое интересное только начиналось... Гм? — озадаченно посмотрел юноша на сестру. Почему-то она странно ёрзала. — Что такое?

— Н-ничего! — воскликнула Флания, выхватила список гостей и вцепилась в Нанаки. — Что хотела, то обсудили, поэтому с твоего позволения мы удаляемся!

Таща парнишку, она со скоростью урагана выбежала из комнаты.

— И что на неё нашло? — задался вопросом Уэйн.

Ниним же с нежной улыбкой наблюдала за действием брата и сестры.

* * *

С трогательной сцены между Уэйном и Фланией прошло несколько часов. Надвинув капюшон на глаза, Ниним быстрым шагом пересекала безмолвные улицы Лушана, что холщовый плащ развевался крыльями за её спиной. Шла она в место будущей встречи.

Многое требовалось выяснить: маршрут, нет ли западни, пути отхода — на всякий случай. Неизвестно чего ожидать в предместье Лушана.

Город ещё толком не проснулся, но даже так, чем ближе Ниним подходила к окраинам, тем безлюднее становились его улицы. Население росло быстро, древняя столица леветианства не справлялась с наплывами, и в итоге Лушан оброс подобными этому районами, до которых не дотягивалась железная рука властей. Кварталы превратились в трущобы, всюду царили грязь и болезни, было опасно выйти на улицу. Ниним покрасила волосы в чёрный и спрятала под капюшон, и всё же она фламийка и девушка: ей приходилось пристально следить за каждой тенью движения и не сбавлять шаг.

Вскоре перед Ниним вырос большой полуразрушенный дом, что встретил её зияющей тьмой оставшихся без рам окон. Некогда великолепное поместье давно бросили из-за пожара: чёрные обугленные стены уже поросли мхом. Не пощадила здание и стихия.

Вокруг самого дома не нашлось ничего примечательного: камни да сорняки. Ниним вошла через вход, лишённый дверей. Её тут же обдал сквозняк: от прихожей в обе стороны тянулся коридор. Несколько комнат, на антресольный этаж уходила лестница, на потолке со скрипом качалась вся в паутине проржавевшая люстра, а от мебели ничего не осталось — обчистили мародеры. Изнутри особняк находился в таком же упадке: стены испещряли трещины, а под ногами трещал прогнивший пол.

Осмотреть поместье не просто. Не будь он заброшен, всё подозрительное сразу бы бросилось в глаза, однако тут кругом завалы из мусора. Ниним нужны люди и время, но встреча уже вечером, и девушка только привлечёт внимание, если соберёт здесь помощников.

Ниним опустила взгляд и обнаружила следы нескольких человек на покрытом вековым слоем пыли паркете. Все разные, и фламийке хватило опыта их разобрать: кто-то прятался от непогоды, кто-то пришёл пожить, а кто-то, как и она, изучал здание. Последние — самые свежие.

«Значит, Тигрис или неназванный союзник тоже осматривали поместье», — решила Ниним.

Всё встало на свои места. Кто бы это ни был, он также оказался ограничен во времени и возможностях. Девушке оставалось лишь последовать примеру и скорее обойти здание.

Ускорившись, Ниним углубилась в особняк.

* * *

Тем временем, пока Уэйн утопал в донесениях, вскрывая завесы тайны, а Ниним осматривала место запланированной встречи, в одном из поместий кипела светская жизнь.

Улучив минутку, Флания вышла на пустую террасу и глубоко вдохнула свежий вечерний воздух. Тут как тут оказался Нанаки.

— Ты как? — спросил он.

— Вроде жива... — вяло ответила принцесса. — И кто же знал, что их так много.

В честь Консистория по всёму Лушану устраивали званые вечера. На само собрание вправе явиться лишь иерархи, но вместе с ними приезжала и свита, от которой требовалось навести мосты с влиятельными торговцами и феодалами. Город предоставлял им и места для встреч, и способ убить время. Флания пользовалась его гостеприимством по тем же причинам.

О принцессе знали как внутри Натры, так и за рубежом. В глазах вершителей судеб она не только сестра нашумевшего регента, но и та самая мильтасская дева. Девушка никак не могла отбиться от желавших её поприветствовать.

Вспоминая гостей, Флания вздохнула:

— И со сколькими я поздоровалась? Сорок... Или пятьдесят? Как же их звали...

Некогда отдыхать. Принцесса что есть сил сосредоточилась и выжгла лица и имена у себя в памяти.

— Пойдите, — хлопнула она глазками. — А как звали ту даму в красном платье?

— Леди Мэлори, верно?

— Точно!

А подсказал Флании некто иной как её новый слуга — Сэргис.

— Большое спасибо. У тебя отличная память.

Мужчина поклонился:

— Не стесняйтесь обращаться. Также осмелюсь посоветовать Вашему Высочеству подмечать уникальную деталь людей — будет легче всего запомнить.

— Брат то же самое говорил. Больше сведений — меньше сомнений. Так вряд ли забудешь... — поделилась Флания, но под конец стихла. — Наверное.

— Для меня честь разделять с Его Высочеством одни взгляды, хоть и столь пустячные. Со своей стороны скажу, что увидел уже немало знакомых лиц.

«Ой, он ведь бывший канцлер», — вспомнила принцесса.

Не лишись Сэргис власти, он бы сейчас ходил в этих стенах таким же гостем, как Флания, и пользовался бы определённым вниманием. Когда-то мужчина занимал высокое положение, а теперь для других его словно не существовало; даже близкие знакомые не окликнут бывшего канцлера — все смотрели только на натрийскую принцессу.

Сэргис точно прочёл мысли сюзерена и самоуничижительно улыбнулся:

— Ну помню я присутствующих — какая разница? Лишь потеряв всё, я осознал то, что всегда лежало на поверхности: человек — не только его статус. Ныне я борюсь со своими недостатками каждый день.

Флания приходилась сестрой виновнику его несчастий и не нашла с ответом. Девушка зашла в тупик, и помощь пришла откуда не ждали:

— Вот я и нашёл Ваше Высочество.

Принцесса резко выпрямилась и округлила глаза:

— Ах, мэр Козимо!

— Давненько же мы не виделись, — поприветствовал её пожилой джентльмен в сопровождении юноши и поклонился.

Перед Фланией стоял Козимо — мэр Мильтаса, города, что лежал в самом сердце Варно.

Девушка много общалась со стариком во время поездки в столицу купцов.

— Но что вы делаете на западе? — весьма резонно спросила Флания.

Мильтас — земля Эсвальдской империи, и Козимо — её подданный.

Мэр же только рассмеялся:

— Если бы не пришёл — запятнал бы своё доброе деловое имя. Прочие купцы уже в пути. Впрочем, формально я отдыхаю: оставим политические тревоги.

Торговцы не держались границ — они никогда не помогут продать товар.

— Сколько же воды утекло с нашей последней встречи, господин Сэргис, — повернулся Козимо. — Говорят, нынче вы служите Её Высочеству. Надо сказать, жизнь полна сюрпризов.

Мэр хотел поклониться, однако Сэргис остановил его рукой:

— Вам нет нужды кланяться обыкновенному подданному.

— Цены взлетают и падают — привычное дело. Именно в момент краха проверяется, сколь остёр глаз купца, — улыбнулся Козимо и, обращаясь к Флании, указал на молодого человека рядом с собой: — Прошу прощения, что не представил сразу. Один мой знакомый искал Ваше Высочество, и я посчитал долгом оказать ему в этом услугу.

— Для меня честь встретиться с вами, принцесса Флания, — с доброй улыбкой поздоровался смугловатый юноша. — Я Фелит Зариф — ладу Патрийского архипелага. Ваш брат, принц Уэйн, однажды протянул мне руку помощи.

— О!

В Южном море на островах у оконечности Варно раскинулась страна — Патрия. После ряда событий Уэйн сдружился с Фелитом — её нынешним правителем.

— Брат рассказывал мне о вас, — призналась Флания. — Правда, я и не думала, что мы встретимся здесь.

— Принц Уэйн упоминал в письме, что прибудет в Лушан вместе с вами. Вы даже прекраснее, чем в слухах.

«Ой, каков льстец», — робко ухмыльнулась девушка.

— Вас тоже пригласили на Консисторий? — полюбопытствовала она.

— Отнюдь. Я в Лушане, дабы представиться как новый ладу Патрии. Собрались видные люди со всего запада — лучшего случая и желать нельзя.

Флания понимающе кивнула. Принцесса знала, что отец Фелита скоропостижно преставился; можно сказать, их цели на этом приёме совпадали.

Между тем Фелит продолжил:

— Я намерен поговорить с принцем Уэйна лично. Понимаю, может прозвучать дерзко, но не могли бы вы попросить брата уделить мне несколько минут?

— Попросить? — растерялась Флания.

Обычно девушка кивала без раздумий, только ведь это она вызвалась говорить от имени Натры, чтобы Уэйн сосредоточился на Консистории.

— Я с радостью обсужу вопрос с вами, — ответила принцесса. — В конце концов брат наказал мне управлять его делами в меру своих сил.

Сердце яростно заколотилось. Флания сама бросилась в гущу событий. Если не сейчас, то когда? Она больше не будет гонцом.

— Видно, я и правда нагрубил. Мне ужасно жаль, — ответил Фелит, по новой изучил взглядом принцессу и улыбнулся: — Тогда не будем откладывать. Мой вопрос касается торговли между нашими народами.

До этого молчавший Козимо вдруг оживился:

— Боже, не лучше ли мне тогда оставить вас?

— Вовсе нет. Мой вопрос также касается и интересов Грантсала, — ответил Фелит прежде, чем Козимо успел улизнуть. — Полагаю, вам известно, что эсвальдские товары поставляются в Патрию через Натру. С ними возникли некоторые трудности.

— Они п-плохого качества? — ойкнула Флания.

— Наоборот — отменного. И оттого пользуются спросом.

Девушка думала-думала, но в итоге наклонила голову на бок:

— Тогда что с ними не так?

Многолетний опыт сразу же подсказал Козимо ответ.

— Дело в расстоянии, а следовательно, и в цене, не так ли? — сверкнул взглядом старец.

Фелит кивнул:

— Эсвальдские товары великолепны и сами по себе стоят недёшево. Но до того, как попасть в Патрию, они объезжают половину Варно, и цена кратно растёт. Тем не менее она не охлаждает спрос.

— Получается, для Натры это выгодно, — пробормотала Флания, которая по-прежнему не уловила суть проблемы.

— Видите ли, дорогие изделия трудно достать, — Козимо вновь вызвался ей всё объяснить. — Найдутся и те, кому они станут не по карману. Разве люди откажутся? Нет — станут искать «лёгкие» пути.

— Ах... — наконец поняла девушка.

— А у Патрии весьма натянутые отношения с Эсвальдией, — добавил Козимо. — Страны на ножах уже давно — так уж сложилось исторически. Поток товаров из восточной державы умалил враждебные чувства среди народа, и люди потянулись к соседу с большой земли.

— Тогда голову подняли контрабандисты, — вставил Фелит.

— Именно. Политический накал не ослабевает, и тем не менее архипелаг и Варно отделены всего-то проливом: везти товары через него в разы дешевле, нежели посредством северной Натры.

— Для Зарифа торговля с Кодбэллом — символ дружбы. Я не намерен им пренебрегать. И всё же действительность такова, что вскоре незаконно приобретённые изделия заполонят рынки, а товары из Натры станут не нужны. Оттого я и искал встречи с вами или принцем Уэйном.

— Прошу меня извинить, мы ненадолго.

Флания спешно потянула Сэргиса за рукав и отвела в сторону.

— Это же плохо, да? — спросила она полушёпотом.

— По меньшей мере половина достижений Его Высочества на юге будет перечёркнута, — сказал мужчина как отрезал.

«А-а-а!» — в панике закричала про себя девушка.

— Ч-что мне делать?!

— Прошу меня простить, но положение выходит за рамки ваших возможностей. Необходимо переговорить с Его Высочеством.

— Н-но я выглядела такой важной, когда слушала их...

— Ваше Высочество, быть представителем — часть работы политика, — твёрдо сказал Сэргис.
— Нельзя поступаться будущим государства, дабы сохранить лицо. Гордость придётся оставить при себе, не то это плохо закончится.

Флания было хотела возразить, но остановилась и повернулась обратно:

— Ладу Фелит, я намерена пригласить вас к нам, как только посоветуюсь с братом. Уверена, тогда мы обсудим вопрос более обстоятельно. Что думаете?

— Понимаю, — медленно кивнул Фелит. — Пожалуйста, передайте ему мои наилучшие пожелания.

Принцесса поджала губки, парень мягким голосом продолжил:

— Осмелюсь сказать, что это мудрое решение вопреки малому опыту. Уверен, ваш брат может гордиться вами.

— Спасибо большое.

Фланию захлестнули смущение, разочарование и даже облегчение оттого, что человек, с которым она вела переговоры, сгладил положение.

Козимо посмотрел на неё отцовским взглядом:

— Что ж, полагаю, с политикой на сегодня всё. Не пора ли вернуться в зал? Знаете, такого старика, как я, и осенний ветерок пробирает до костей.

— Да, конечно, — согласился Фелит. — После вас, принцесса Флания.

— Б-благодарю.

Оказавшись в меньшинстве, Флания сдалась и вошла в освещённый люстрами зал.

«Не время убиваться», — ругала себя девушка, приходя в чувства — Ещё столько нужно сделать».

* * *

Ниним обошла весь заброшенный особняк: ничего подозрительного. Разумеется, досконально изучить каждый угол невозможно, и потому девушка теперь не находила себе места от страха, что что-то упустила. Впрочем, солдат в доме точно негде спрятать.

В конце Ниним проложила запасной путь отхода и покинула полуразрушенный дом.

«Наверняка Уэйн ещё не разгрёб документы. Лучше скорее помочь ему», — решила она, идя тем же путём, каким и пришла.

Ниним уже было вошла в более оживлённый квартал, когда у края улицы заметила нескольких людей. Фламийка пригляделась внимательнее: двое приставали к изысканно одетому старцу.

— Эй, старик. Что, язык проглотил?

— Отдавай свои пожитки.

Привлекать внимание нельзя. У неё срочное задание. Они её даже не заметили...

— Ну что ты будешь делать, — вздохнула Ниним, бесшумно подобралась к бандитам и вывернула одному руку.

— А-а-а?! — огласил улицу вопль. — Что за чёрт?!

Мужчина поражённо обернулся, и тут же обнаружил у своего горла кинжал.

— Не дёргайся.

Ощувив холодную сталь, бандит забыл о боли в плече и нервозно сглотнул. Тогда Ниним пронзила взглядом второго:

— Прочь от старика.

— Чтоб тебя!

— Я сказала прочь. Или мне его прирезать? — Девушка ткнула кинжалом в заложника.

Угроза подействовала: шаг за шагом мужчина отдалился от бедняги. Ниним толкнула к разбойнику его подельника и загрозила собой старика.

— Проваливайте, не то пущу кровь.

— Ах ты!..

— Уходим. Она не шутит.

Бандиты и вдвоём едва ли победят. Даже если выиграют — невредимыми не уйдут. Девушка перед бандитами явно не любительница и на дух не переносила воров всех мастей.

Разбойники изрыгнули проклятья и побежали. Только когда они скрылись из виду, Ниним расслабилась.

— Вы не ранены? — обеспокоилась она.

Старик не спеша покачал головой и посмотрел белесыми глазами на девушку:

— Вашей защитой я в полном здравии. Примите мою благодарность.

— Не за что, — ответила Ниним. — Вам бы лучше не ходить здесь — местные явно не чтут закон.

— Я гуляю по этим кварталам каждое утро, хотя обычно выбираю менее людные улочки.

— Ищите приключений под старость лет?

— Нет. Совсем нет, — Его голос обрёл силу. — Я глух к своим капризам. Но я выбрал сегодня иную, нежели обычно, дорогу, наткнулся на разбойников, и вот передо мной стоите вы...

Старик закрыл глаза, словно погрузился в мысли. Девушка уже задумалась, что делать, когда он снова заговорил:

— Разве тебя не торопит долг? Ступай. Не волнуйся — за мной скоро придут.

— Тогда пойду. Удачи.

Ниним несколько посомневалась и всё же согласилась: у неё и правда были дела, которые не требовали отлагательств.

— Повелители бурь отнюдь не одиноки, юное дитя, — неожиданно сказал старик вслед. — Остерегись: грозные тучи уже сгущаются над нами.

* * *

Солнце зашло, и серые от сумерек улицы Лушана неумолимо накрывал ночной полог.

— Ну и чудак тебе попался, — только и ответил равнодушно Уэйн на рассказ Ниним.

Девушка скосила на него взгляд:

— А ты нисколько не удивлён.

— Мы на родине самой распространённой религии на Варно: своих юродивых здесь пруд пруди. К тому же ты не пострадала. Меня больше волнует разговор Флании и Фелита.

— Не сказала бы, что их пруд пруди... В общем, меня тоже беспокоят дела с Патрией.

— Я понимаю намерения Фелита, и как всё так обернулось, но ума не приложу, что с этим делать.

— Да, дело не из лёгких, но сейчас лучше сосредоточься на другом, — указала Ниним вперёд.

Они стояли около заброшенного особняка, который фламийка изучала этим утром. Именно здесь у Уэйна, Тигриса и их неназванного друга намечена встреча.

— Бесспорно, это не менее важно, — признал юноша.

— Мы ждали вас, — донёсся голос Фушто. Тусклый серебристый свет луны очертил лицо мужчины.

— Где принц Тигрис?

— В особняке с ещё одним гостем, — ответил слуга. — Его Высочество настаивает, чтобы вы оставили стражу снаружи.

Ниним помрачнела, но Уэйн вытянул руку:

— Идёт. Веди меня.

Оставив девушку хмуриться, принц в сопровождении вошёл здание.

Внутри оказалось мрачно. Ни одна свеча не освещала обветшалые комнаты, и лишь призрачные лучи ночного светила, что пробивались сквозь окна и трещины, робко прогоняли мглу. Главных же героев этого вечера нигде не было.

— Принц Тигрис? — позвал Уэйн в темноту.

Ответ пришёл спустя секунду откуда-то сверху:

— Приветствую, принц Уэйн.

Регент поднял взгляд и увидел антресоль. Вот из-за ограды второго этажа показался уже сам Тигрис.

— Что вы там делаете? — спросил Уэйн.

— Наш общий друг чуточку упрямится. Переговоры в самом разгаре.

— Переговоры? О чём?

— Мы с вами на одной волне, принц Уэйн, но нашему другу не занимать в осторожности.

— Хотите сказать, ещё ни о чём с ним не договорились?

— Что вы, он же здесь. Просто нужно чуточку подтолкнуть. Одну минуту, пожалуйста, — скоро мы к вам выйдем, — пообещал Тигрис и исчез, словно избегал ворчания, что Уэйн готовился выплеснуть.

Парень снова очутился один в темноте, и иного выбора, кроме как ждать, сгорая от недовольства, у него не осталось.

Через какое-то время слышался шум.

— Гм?

Лишь Уэйн поднял голову, тут же нечто врезалось в свисавшую с потолка ржавую люстру. Не успел принц опомниться, как та со страшным грохотом рухнула прямо у него перед носом. Звякнули цепи, во все стороны разлетелись осколки хрусталя, сверкая в ночном свете, подобно звёздам.

Пыль осела, и Уэйн ошеломлённо распахнул глаза: на упавшей люстре лежал Тигрис.

— Принц Тигрис?! Что с вами?! — тут же подбежал юноша и поднял его за плечи.

Но застыл. Руки покрылись кровью. Несмотря на тьму, Уэйн увидел, как чёрная в мерклом блеске луны кровь окрашивала одежду иерарха, точно его поглощала ночь.

Тигрис мёртв. Пал либо от рваной раны на шее, либо от кинжала, что торчал из сердца со спины. Руки держались за грудь, глаза покинула жизнь. Теперь он лишь безмолвный труп.

Тишину разорвал гулкий нарастающий топот.

— Ваше Высочество! — выкрикнула Ниним. — Что случилось?!

На шум в особняк влетели Ниним и Фушто, а увидев лежавшего на земле Тигриса, на мгновение изумлённо застыли и бросились к хозяевам.

— Вы не ранены?! — тут же обеспокоилась девушка у Уэйна.

— Ваше Высочество! — побледнел Фушто. — Ч-что с вами?!

На лице одной отразилось облегчение, другого — ужас.

— Ч-что произошло? Почему он?.. — с дрожью заговорил мужчина. Вскоре горе и растерянность сменила ярость. — Принц Уэйн! Что вы натворили?!

По-другому и быть не могло, и тем не менее Уэйн покачал головой:

— Попридержи коней. Я не знаю, что произошло.

— Как это не знаете?! Его Высочество мёртв! И вы говорите, что ничего не знаете?!

Фушто приблизился, когда между ним и принцем встала Ниним. На её лбу проступила испарина.

— Прошу, не приближайтесь к Его Высочеству, иначе я буду вынуждена применить силу.

— Знай своё место, женщина! Принц Уэйн! Отвечайте! Что произошло?! Это вы его убили?!

— Отойдите, Ваше Высочество! Господин Фишто! Ещё один шаг, и я расценю это как угрозу!

— Хватит! — крикнул обоим Уэйн. — Сейчас не время для!..

— Не двигаться! — неожиданно рявкнули со стороны входа.

Все трое обернулись: в особняк под звон доспехов ворвались несколько десятков вооружённых до зубов человек — явно не бандиты.

— Именем Лушана! — выкрикнул один. — Мы получили сообщение, что здесь замечены подозрительные люди! Выполнять приказы! Сопротивление бесполезно!

«Сперва тайная встреча, затем внезапная кончина Тигрису, и в довершение — лушанская стража точно по расписанию, — в затруднении размышлял Уэйн. — Всё это неспроста».

Только его посетила подобная мысль, принц сразу скомандовал:

— Ниним!

— Сюда! — бросила она и побежала в глубь особняка, сразу поняв его намерения.

Парень кинулся следом.

Им в спины донеслись крики Фишто и стражи:

— Что вы делаете?! Стойте!

— Вам не уйти! За ними!

— Что за чертовщина?! — негодовал Уэйн.

— Тебя обставили!

— Да как пить дать!

Если Уэйн и Ниним всё-таки угодили в ловушку, то нужно бежать. Правда, положение ухудшится при любом раскладе.

Принц на бегу расплылся в кичливой ухмылке:

— Уж не знаю, кто дёргает за ниточки, но я с ним расквитаюсь — помяните моё слово!

* * *

Никто объявлений не давал, но слухи в мгновение ока расползлись по Лушану: иерарх Тигрис убит.

Кто? Как? Зачем? В одночасье праздничное настроение от скорого Консистерия в городе сменили угрюмость и страх. Нашлись и те, кто смеялся в ответ на сплетни. Однако в тот же день ворота древней столицы закрылись, а особняки иерархов окружила стража. Тогда и остальные признали: что-то случилось.

Вскоре молва о смерти Тигриса от рук Уэйна дошла и до самих иерархов. Торчейла услышала об этом от одного из слуг, и, не теряя времени, отправилась к Грюйеру.

Торопливый стук каблучков с эхом разносился по залитому утренними лучами коридору.

— Пожалуйста, молви, что сие не так... — тревожно пробормотала Торчейла себе под нос и на ходу распахнула двери, врываясь в кабинет отца: — Папенька! У меня зело страшная весть! Принц Тигрис преставился, и глаголют, сие вина принца Уэйна!

— Знаю. Он сам мне сказал, — отозвался Грюйер из-за стола и поприветствовал дочку тонкой улыбкой.

— Как это? — опешила она, и только потом заметила в кресле ещё одного человека. А узнав его, всплеснула руками: — П-принц Уэйн?

— О, принцесса Торчейла. Вот так совпадение.

Перед ней сидел некто иной как сам Уэйн Салема Арбалест.

«Что ещё за «совпадение»-с? — негодовала девушка. — Весь Лушан ищет тебя за убийство иерарха. А ты сидишь здесь спокойно. Отчего к нам явился?»

— Юный принц пришёл ночью в поисках убежища. Назвал это расплатой за одну мою вольность. Я согласился, не имея ни малейшего представления, от чего он прячется, —

объяснил Грюйер, когда увидел в глазах Торчейлы недоумение, затем повернулся к Уэйну: — И кто бы подумал, что вы попадёте в такую переделку? Знай я — до порога бы не подпустил.

Принц сверкнул улыбкой:

— Должники — лучшие друзья.

— Ха! Знакомство с вами кого угодно в могилу сведёт, — отсмеялся король. — Так что? Ваших рук дело?

— Исключено.

Грюйер скушаяще поднял взгляд к потолку:

— Я-то думал, вы решили избавиться от Тигриса сейчас, раз в будущем вам всё равно быть врагами.

— Я не столь кровожаден.

— Да ну? Не вы ли пустили кровь королю Ордаласу?

— Сильное обвинение. Помнится, в Каварине убийцей признали Леверта.

Уэйн и Грюйер болтали непринуждённо, и всё же в комнате витало напряжение.

— Коли принц Уэйн не отправлял принца Тигриса в мир иной, то кто? — вмешалась Торчейла.

— Отличный вопрос. Сдаётся, это тот самый третий.

Всего было трое. Уэйн, тот, кто стал жертвой, и неизвестный третий. Логично предположить, что именно он и есть убийца.

— И кто бы это мог быть? — задумчиво произнёс Уэйн.

Грюйер напротив проворчал:

— Так и не узнали?

— Нет, но, судя по тому, как вёл себя принц Тигрис, он был в том заброшенном особняке.

— Всё путаннее и путаннее, — прокомментировал король. — Вы вольны оставаться здесь, юный принц, но не задерживайтесь. Мне донесли, что Консistorий перенесли на пару дней. Если не найдёте убийцу прежде, то...

— Им стану я.

— Вот именно.

Иерарх погиб перед самым Консistorием в святом граде. Если Церковь ничего не предпримет, то родина Тигриса, Веланция, выйдет из её лона или даже пойдёт войной. Патриарший Престол обязан найти козла отпущения, чтобы погасить тлеющие угольки, и проще обвинить Уэйна, на которого и падают все подозрения. Объявив регента Натры убийцей, Апостольский дворец сделает королевство мишенью.

Положение принца незавидно. И вдвойне оно хуже, потому что у юноши в запасе всего пара дней.

— Позвольте навести некоторые справки, — начал Уэйн. — Принц Тигрис, часом, никому не насолил в Синоде?

Грюйер выразительно кивнул:

— О, это пожалуйста. Принц Тигрис был на ножах с королём Фалькаса Мирославом. В пограничных стычках тот потерял много солдат. Не заладилось у покойного иерарха и с консулом Агатой из Ульбетской лиги: в последнее время они сильно отдалились. Также поговаривают, что он вёл тайную переписку с королём Ванхелио, который невысокого мнения о герцоге Стиле.

— Вот так аппетит.

— Внутренний зверь принца Тигриса — амбиции, что он даже не старался удержать в узде. Лично я готовился вечность наблюдать за ним, — хохотнул Грюйер. — Иерархи связаны друг с другом. Консул Агата использует леветианскую веру как способ удержать Лигу в руках, а сам грызётся с Апостольским дворцом. Мирослав везде встречает неприятие: его отец, в отличие от отпрыска, снискал славу достойного государя. Знаете, когда-то и у Солджеста с Ванхелио были сердечные отношения.

Со стороны Святейший синод выглядел как единое целое, на деле же все в нём стремились перегрызть оппоненту глотку. Грюйер утверждал, что именно это и значит быть иерархом.

«Будет непросто», — заключил Уэйн.

Король словно прочёл его мысли:

— Спешу напомнить: иной помощи, помимо укрывательства, вы от меня не дождётесь.

— А как насчёт уговора?

— Только если предложите мне что-то весьма ценное взамен. Даже мне не доставит удовольствия тащить золото на тонущий корабль.

— И что бы это могло быть?

Грюйер подумал пару секунд, а затем глянул на Торчейлу.

— Брак с моей любимой дочуркой. Что скажете?

— Забудем наш разговор.

Король с трудом сдержал смех, а девушка вперила принца взглядом:

— Я вам столь ненавистна?!

— Отнюдь. Мне такой тесть даром не нужен.

Не выдержав, Грюйер хлопнул себя по пузу и залился хохотом.

— Отныне ты мой главный враг, папенька, — фыркнула Торчейла.

— Забавно наблюдать, как молодёжь проходит испытания и невзгоды, но нет лучшего наслаждения, чем пройти их самому. Ну же Торчейла, я всегда к твоим услугам.

Уэйн посмотрел на шуточное противостояние дочери с отцом и перевёл взгляд на город за окном.

«Любопытно, сколько улик я соберу за назначенный срок?» — подумал он.

Всё зависело от его сердца, которое втайне прямо сейчас сновало по улицам Лушана.

* * *

В тени одного из бесчисленных переулков встретились две фигуры в серых плащах.

— Что у вас? — спросил один.

— Его Высочество в безопасности и в особняке Солджеста, — ответила вторая. Из-под глубоко надвинутого капюшона блеснули алые глаза Ниним. — А у тебя как?

— Все напуганы, особенно Флания. Мне не в чем её винить. Когда скажу, что с Уэйном всё хорошо, сразу успокоится. Но мы окружены городской стражей — ни зайти, ни выйти. Свита долго не протянет.

Внезапно их принца обвинили в убийстве, а самих посадили под домашний арест в незнакомой стране — это сильно ударило по сердцам подданных.

— Тогда нельзя медлить. Хотя мы всё ещё не знаем, кто был третьим, — заметила Ниним.

— У меня пара вопросов.

— Слушаю.

— Первый про стражу. Слишком быстро она пришла. А также окружила поместье и перекрыли все въезды в Лушан. Сказали, что не хотят дать преступнику сбежать. По-моему, они подготовилась заранее.

— Может, хорошо обучены... Впрочем, это всё же слишком.

— Я чуть порылся и узнал, где находились в ночь убийства Грюйер, Сильверио и Мирослав.

— И где же?

— Грюйер на вечере, Сильверио на церковной службе, а Мирослав у Скрея. Хотя он мог и улизнуть.

— С принцем Мирославом остались герцог Стил и консул Агата. Кто-то из них был в заброшенном особняке. А ещё я там нашла это. — Девушка вытащила из-за пояса небольшие ножны. — Что думаешь?

— От кинжала и в крови. А герб на них...

— Ульбетской лиги, — закончила Ниним.

* * *

Как только Уэйн пропал, Флания забыла, что такое покой. Девушка скулила, подобно брошенной дворняжке, и призраком блуждала по комнате: та садилась и думала минуту, то вставала и наматывала круги, то останавливалась у окна и отрешённо глядела на улицу. Иначе говоря, убивала время. Люди из свиты пытались подбодрить принцессу, однако слова оказались бессильны.

Наконец Флания подошла к Сэргису:

— Нанаки ещё не вернулся?

— Мне ничего не докладывали, — безразлично сообщил он.

— Понятно, — буркнула девушка и вновь стала бродить по комнате.

Посмотрев на неё, мужчина резко, но тихо выдохнул:

— Я полагал, вы быстро возьмёте себя в руки. Видно, ошибся.

— Ты что-то сказал?

Во взгляде его сюзерена промелькнуло раздражение, и всё же Сэргис смело продолжил:

— Ваше Высочество вольны слоняться сколь угодно, однако это не ускорит возвращение Его Высочества Уэйна.

— Ах ты!..

Флания едва не набросилась на слугу, но в итоге плюхнулась на ближайший стул.

— Сама знаю, — огрызнулась принцесса. — Хочешь сказать, мне нельзя волноваться о брате? — с болью спросила она.

— Именно так, — без тени милосердия ответил Сэргис. — Когда простолюдины молятся за свою семью из страха за них — это добродетель. Когда же власть имущие — порок. Вы принцесса. Его Высочество Уэйн пропал, и теперь ваш долг — возглавить людей, что смотрят на вас в надежде. Если Ваше Высочество действительно намерены стать брату опорой, то займёте место представителя натрийской делегации.

Слова Сэргиса пронзили сердце Флании. Девушка не нашлась с ответом и смолкла; мужчина также ничего не говорил и всё ждал, когда сидящая перед ним совсем ещё девчушка сделает новый шаг вперёд.

— Сэргис, — нарушила молчание Флания. — Мне необходимо услышать твоё мнение о том, как поступить. Расскажи детали.

Это были слова представителя королевства, и тогда мужчина почтительно поклонился:

— Сперва Вашему Высочеству должно привести себя в порядок. Затем, пожалуйста, переговорите с делегацией: пары слов хватит, дабы прогнать тьму из сердец подданных.

— Ты прав. Мне нельзя показываться в таком виде, — робко приподняла уголки губ принцесса. В её улыбке читалось, что она готова взяться за дело. — Надо бы поправить волосы и платье. Сэргис, позови служанок.

— Как угодно, — приняв приказ, советник покинул комнату.

— Подумать только, мне приходится наставлять детей, — горько улыбнулась он уже в коридоре, но быстро стёр ухмылку. — Всё лишь начинается. Интересно, перевернёт ли принц игру верх дном и на сей раз?

Если Уэйн не вернётся, то решимость Флании рассыплется, как песок. Переживаниями делу не помочь, и всё же Сэргис надеялся, что в конце концов принцессе не придётся плакать.

Спустя два дня начался Консistorий.

* * *

Лушан, Апостольский дворец. Отсюда Леветианская церковь несла свет своей веры. Когда жребий принимать Консistorий выпадал древней столице, именно здесь с незапамятных времён собирались её высшие представители.

Где-то глубоко внутри внушающего трепет здания покоился круглый зал, в центре которого стоял стол в форме кольца. Вместе они являли собой символ учения Леветии. И сейчас за этим столом собралось семеро: король Солджеста Грюйер, принц Фалькаса Мирослав, консул Ульбетской лиги Агата, герцог Ванхелио Стил, патриарх Церкви Сильверии; подле суверена сидела префект Апостольской курии Кардмелия, а возле наследника фалькасского престола — король Каварина Скрей.

Владыки Запада собрались вместе вершить судьбы мира.

— Добро пожаловать, и благодарю, что прибыли на Консistorий, — объявила Кардмелия. Её серебряный голос кинжалом прорезал воздух даже в столь просторном зале. — Как префект Апостольской курии, я признательна за честь открыть собрание, несмотря на мелкую неприятность, что слегка омрачила радость встречи.

На лицах иерархов застыло безразличие.

Первым голос подал Мирослав:

— Преставился член Святейшего синода, и, по-вашему, это лишь мелкая неприятность? В Курии, что ли, все лишены здравомыслия?

В голосе принца проскользнули нотки сарказма.

— Власть в Лушане принадлежит Апостольской курии, — поддержал Грюйер более спокойным тоном и вызывающе посмотрел на Кардмелию: — Вашему Высокопреосвященству не следуют принижать скоропостижную смерть иерарха.

Саму женщину нападки нисколько не поколебали.

— Ну разумеется. Знаете, для меня утрата Его Высочества Тигриса стала личной трагедией — глубокая скорбь навечно осела моём в сердце. И всё же осмелюсь заявить: его кончина блекнет в сравнении с тем, что нас ждёт на Консistorии.

Иерархи недоумённо нахмурили брови.

— Что значит блекнет? — спросил Агата.

— Как вам всем известно, для Варно настали тёмные времена, — начала Кардмелия. — Сперва пошатнулась Эсвальдская империя, ныне же угольки восстаний тлеют по всему континенту. Нам нельзя закрывать глаза на тлетворное влияние восточного леветианства. Оттого я верю в эпохальную значимость сегодняшнего собрания.

— Хотите сказать, этот Консistorий важнее жизни иерарха?

— Определённо, консул Агата. Святейший синод посвящает жизнь служению народу: Консistorий куда важнее, нежели суета вокруг опустевшего кресла.

Зал погрузился в молчание. Иерархи попали в западню: отрицать её слова равнозначно поставить себя выше других. А подобные заявления добром не кончаются.

Кардмелия торжествовала.

— Тем более, нам и без того известно имя совершившего столь тяжкий грех, — добавила она с лучезарной улыбкой.

— Вы о слухах, что это якобы сотворил принц Уэйн? — удручённо поинтересовался Стил. — Неужели он и правда поднял руку на Его Высочество Тигриса?

Мирослав усмехнулся:

— Он скрылся с места убийства и всё ещё в бегах. Кому в голову взбредёт утверждать, что он невиновен?!

— Никто не видел самого преступления, — возразил Агата. — Ваше Высокопреосвященство, пролейте, пожалуйста, свет.

— По словам слуги Его Высочества, принц Тигрис и принц Уэйн встретились в заброшенном поместье. Он вбежал на странный шум и обнаружил, что господин мёртв, а над его остывшем телом возвышался натрийский регент.

— И глупцу ясно! — воскликнул Мирослав. — Встретились, что-то не поделили, и один пырнул ножом другого. Всё. Хватит уже мусолить! Перейдём к следующему вопросу!

Грюйер ухмыльнулся:

— Как же принц Фалькаса нетерпелив. Сдаётся, разговор уходит в неудобное для него русло.

— Брехня! И так всё понятно! Мы теряем время, когда могли бы обсудить дела поважнее! Или король зверей не знаком с логикой людей?!

— И одно из этих дел связано с королем Скрейем возле вас? Чем оплакивать павшего товарища, предпочли сразу занять его место? Мне горько на это смотреть.

— Чтоб вас!

Мирослав уже собирался осыпать собрание проклятиями, как свою версию выдвинул Стил:

— Меня тоже гложет любопытство. Его Высочество Тигрис не смыслил в искусстве, и тем не менее огонь души принца испепелял. Как же он угас? Что его сгубило? Ах, если бы я только знал! Это непременно пошло бы на пользу моему творческому созиданию!

— Но что толку обсуждать, если мы ничего не знаем? — возразил Агата.

Грюйер широко улыбнулся:

— Не извольте беспокоиться: ждать осталось недолго.

— Ждать чего?

Пока иерархи хмурились, патриарх Сильверию, который всё это время молчал, повернулся ко входу в зал. В ту же секунду двери отворились.

— Чудно, все на месте. Я уже имел удовольствие познакомиться с некоторыми из вас, но позвольте представиться ещё раз. — Нежданный гость вошёл и со сверкающей ухмылкой отвесил поклон: — Регент и наследный принц королевства Натра Уэйн Салема Арбалест. Я малость задержался, и всё же питаю надежду принять участие в Консistorии.

* * *

Ниним наблюдала за Апостольским дворцом из-за угла здания и вздыхала. Она собрала всё, что только можно. Все улики указывали на Агату.

Однако едва ли Уэйну удастся вывести его на чистую воду. Остаётся лишь добиться расположения иерархов — настоящих владык Запада, которым по силам сотворить чудо. На Консistorии же правда ничего не значила. Главное — выгода. Девушка могла только молиться, чтобы принц вновь проявил свой гений и обвёл Святейший синод вокруг пальца.

Тут Ниним вспомнила вопрос, который задал Уэйн, прежде чем пойти на Консistorий. Фламийка никак не брала в толк, какой в нём смысл, и он по-прежнему оставался для неё загадкой. А спросил принц следующее:

«Далеко ли висела люстра от антресоли?»

* * *

Уэйн нагрянул точно гром среди ясного неба. Мирослав вскочил со стула:

— Дьявол! Как вы посмели явиться сюда?! Стража! Взять его!

Крик до хрипоты эхом отдался от стен.

— А, принц Мирослав, не так ли? — вспомнил регент и развёл руками: — Вынужден сообщить, у вас здесь нет власти. Сверх того — приказ схватить меня не имеет под собой никаких оснований.

— Что?!

— Видите ли, мы с вами под сводами Апостольского дворца — лишь патриарх Церкви и префект

Курии повелевают здесь. Его Святейшество лично подтвердил моё право участвовать. Верно, Ваше Высокопреосвященство?

— Приглашение Вашего Высочества всё ещё в силе, — криво усмехнулась Кардмелия. — И оттого сейчас стоите перед нами? Блестяще. И тем не менее подозревают, будто именно вы отправили принца Тигриса в мир иной — есть ли у вас что сказать?

Уэйн как ни в чём не бывало уселся за стол и окинул взглядом иерархов:

— Произошло страшное недопонимание. И нет предела моему потрясению, что подобное настигло нас перед самым Консисто́рием.

— Недопонимание?! Вы называете это недопониманием?! — взревел Мирослав. — Смеее отрицать свою вину?!

— Ну конечно. Мне лишь не посчастливилось стать свидетелем кончины принца Тигриса — в мыслях не было лишать его жизни.

— Хотите сказать, знаете, кто убил принца?!

— Я знаю, кто убил принца.

Уэйн коротко глянул на Агату. Мужчина встретился с принцем взглядом и замер, точно его припёрли к стене. Удовлетворённый, Уэйн обратился ко всему Консисто́рию:

— Эсвальдский ассассин.

* * *

Слова Уэйна больше напрягли Агату, нежели успокоили.

«Он понял, что я был третьим?», — заподозрил консул.

Помимо Уэйна, Тигрис предложил союз Агате. В ту ночь Лушанская стража видела перед собой только натрийского регента, и консул кое-как сбежал. Мужчина не сумел замести все следы: начини кто под него копать — обязательно добрался бы до правды. Агата тщательно придумывал оправдание на случай, если его обвинят, но и представить не мог, что убийцей ни с того ни с сего назовут Эсвальдскую империю.

«Нет-нет. Принц как насквозь смотрел — точно знает, что я третий. Неужели... Он и об этом догадался?!» — негодовал Агата, глядя на надменный оскал Уэйна.

* * *

Тем временем сам Уэйн уже не сомневался: его таинственный союзник — Агата, но убил Тигриса не он!

Всё пахло подозрительно с самого начала. Встречу намеревались провести втайне в заброшенном здании: кем бы ни оказался третий заговорщик, Тигрис обязан был оградить себя от любой опасности. А в итоге его безжалостно убили. Значит, он был беззащитен.

Кроме того, их встреча — худшее время, чтобы отнять друг у друга жизнь. Преставься Уэйн, заподозрили бы Тигриса и Агату, Агата — Тигриса и Уэйна. Выжившие в любом случае становились виновными. Тигрис унёс правду с собой в могилу, но, если бы Уэйн раздобыл доказательства, с лёгкостью бы отправил Агату на эшафот. Другое дело, встретиться консул с веланцийским принцем наедине.

Отсюда и рождалась новая версия: в тот злосчастный особняк заглянул четвёртый игрок.

Держа мысли при себе, Уэйн продолжил:

— Позвольте сперва рассказать, что я делал в заброшенном поместье в ту роковую ночь. Перед самым Консисторием принц Тигрис предложил мне тайно встретиться. Его слуга может это подтвердить.

— И о чём вы намеревались поговорить? — вперил Мирослав взгляд в парня.

— Точно мне неизвестно; могу лишь сказать, что принц Тигрис пригласил ещё одного человека. Его имени я, увы, не назову.

— Приплясывая, отправились на встречу, о которой ничего не знали? Я слышан о вас, принц Уэйн, но вы оказались ужасно беспечны.

— В общем-то да. Откажись я, избавился бы в будущем от ложных обвинений. Мне, право, очень жаль, — отмахнулся регент. — Но продолжим. Я прибыл в обозначенный час и обнаружил принца Тигриса на втором этаже. Он сказал, что спустится вместе с нашим другом, исчез, а затем, спустя время, внезапно рухнул. Уже мёртвым.

Стил поднял руку:

— Видело ли Ваше Высочество третьего человека?

— К сожалению, я думал лишь о том, как спасти принца Тигриса.

— Ха! Удобная отговорка! Существовала ли вообще ещё одна сторона?! — с готовностью набросился Мирослав.

— Слуга ныне почившего Его Высочества в этом клятвенно заверял, — вмешалась Кардмелия и повернулась к Уэйн: — Стало быть, утверждаете, что убийца прибыл из Грантсала?

— Именно.

Это ложь. Не было никакого эсвальдского ассасина. Незваного гостя подослал один из иерархов, и Уэйн прекрасно знал, зачем: убить кого-то из трёх. Не важно, кого.

Все трое — помехи, но умертвить их разом равно нажать себе ещё больше проблем. Потому и отправили на тот свет одного, чтобы оставшиеся перебили друг друга сами. Кого в итоге обвинят, тоже не важно — четвёртый игрок выиграет при любом исходе.

«Ведь таков твой план, м, Кардмелия?» — добавил про себя Уэйн.

Четвёртый игрок — не кто иная как сама префект Апостольской курии Кардмелия. Она желала видеть всех троих мёртвыми, и их тайная встреча для неё — божье провиденье.

«Я угрожал гегемонии Церкви, Тигрис метил в патриархи, а Агата не давал цепким лапам Святого Престола прибрать власть в своём городе, — рассудил принц и усмехнулся: — Лушан — вотчина Кардмелии: в нём всюду её глаза и уши. А отправить стражу и запереть город префекту как щёлкнуть пальцами».

Стража обыскала в особняке каждый дюйм — почему тогда Ниним нашла ножны от кинжала с гербом Ульбетской лиги? Недоглядели? Едва ли. Всё подстроили так, чтобы стравить Уэйна и Агату.

И едва ли от Кардмелии ускользнуло, что Уэйн скрылся у Грюйера. Это она дала регенту свободу.

Тогда вопрос с усмешкой в голосе задал сам Грюйер:

— Юный принц, как же вы узнали об эсвальдском ассасине, если не видели третью сторону?

Король-то понимал, что разворачивалось у него на глазах, и от всей души наслаждался спектаклем.

— Всё просто, — щёлкнул пальцами Уэйн. — Зачем меня пригласили на Консисторий? И кто пожмёт плоды, представься принц Тигрис? Сопоставьте эти вопросы и придёте к ответу.

— Продолжайте.

— Принц Тигрис был намерен объединиться с Эсвальдской империей и втянуть Натру в провосточную фракцию внутри Святейшего синода.

Совет всколыхнулся. Эсвальдия — противник Запада. Соседние страны торговали с ней, но в основном тайно.

— В самом деле, — восхитился Грюйер. — Принц Тигрис всегда не ладил с прочими иерархами. Видно, нашёл себя беззащитным и обратился к Грантсалу в надежде вырваться из тупика.

Уэйн выдумал эту историю на ходу. И всё же никто не сомневался, что Тигрис мог связаться с Эсвальдией, и оттого обман звучал правдоподобно.

— Непростительно! — выпалил Морослав. — За переход на сторону Востока полагается высшая кара!

Горб Великана делил Варно надвое, и через него вели лишь три полноценные дороги. На пути южной лежал Фалькас. История отношений королевства с Эсвальдией полна чёрных страниц, а Мирослав и вовсе проклинал своего соседа.

Уэйн продолжил:

— План принца Тигриса пошёл прахом: его предали и убили те самые люди, на которых он так уповал.

— Не вижу в этом смысла, — возразила Кардмелия. — Отчего Грантсал на корню пресёк зарождение проимперской фракции?

— Плохой ход, если думать о дне завтрашнем. Однако ныне Эсвальдию охватил хаос, что им некогда морочить голову склоками с Западом. Вот они и решили позаботиться о дне сегодняшнем: сохранить отношения и не дарить шанса воспользоваться своей слабостью, — ответил регент. — Есть ещё причина, почему имперцы убили иерарха именно в Лушане перед самым Консисто́рием: дабы подорвать влияние Святейшего синода, выбить землю из-под ног Вашего Высокопреосвященства. Венценосная династия Эсвальдов, а в особенности их вторая принцесса Роуэлльмина, — зло во плоти, воплощение порока и малодушия. Ей придумать такое ничего не стоит.

Будь Роуэлльмина с ними, вся красная от возмущения врезала бы Уэйну зеркалом, чтобы тот посмотрел на себя. Но её нет — вот парень и перекинул на девушку всю вину.

Если Консисто́рий согласится со словами регента, то Тигрис войдёт в историю как дурак, что попытался сдружиться с Эсвальдией, и от её же рук погиб. Тогда его репутация низвергнется в

пропасть, но Уэйн не волновался: мертвецам она без надобности. Более того — принц это делал ради Тигриса.

Уэйн заподозрил неладное оттого, что иерарх рухнул вместе с люстрой. Он велел Ниним выяснить все обстоятельства и пришёл к выводу: Тигрис сам на неё прыгнул. Если бы веланцийский принц просто бы упал с антресоли второго этажа — никогда бы не достиг люстры: слишком далеко она висела. Либо Тигрис бросился с края, либо его закинула группа людей. Уэйн определённо бы заметил толпу над головой, а стало быть, иерарх всё-таки прыгнул.

Зачем? Дабы доказать, что до самого прыжка оставался в сознании.

Тигрис попал в засаду, и первым делом ему перерезали горло. Что охватило разум веланцийского принца, когда шею обдало жаром? Смятение? Страх? Гнев? Ничего подобного.

Тигриса на ногах удержало упрямство. Тогда он понял: в особняке кроме них есть кто-то ещё. Четвёртый. Тот, кого подослала Кардмелия.

Тигрис побежал. Побежал к Уэйну рассказать о неожиданном госте. Не из дружбы или союзнического долга — то был его последний акт упрямства; он не хотел позволить выйти Кардмелии сухой из воды, не хотел дать ей победить.

Тигрис не мог говорить — ему перерезали горло. И жить оставалось считанные мгновения — из спины уже торчал кинжал. Он не сдался и прыгнул прямо в лицо смерти.

Иерарх крепко схватился за сердце. Он не держался за шею, не тянулся к спине — его руки лежали на груди. Почему? Тигрис стиснул символ веры — скрещенные кольца. Это было последнее послание принца: их враг — Леветианская церковь. Патриарх Сильверิโอ. Префект Кардмелия.

«Тигрис, — обратился про себя Уэйн. — Однажды мы бы убили друг друга. Но ты пал, когда наш союз оставался в силе. Я ещё принесу цветы к твоей могиле».

Решив так, принц заговорил:

— Что скажете, консул Агата? Удовлетворили ли вас мои объяснения?

— Гм... — слегка вздрогнул мужчина, когда его вовлекли в разговор.

Иерархи озадаченно переглянулись, и только Агата понял истинные намерения регента: «Я сделал вид, что вы не были третьей стороной, а потому будьте любезны подыграть».

— Думается, многое из сказанного — домыслы, — начал консул, поглаживая бороду. — Но лишь господу теперь известна истина. Я поверю вам.

Уэйн ощутил, как настроение в зале переменялось. Впрочем, игра ещё не окончена: согласился всего один иерарх.

Парень повернулся к следующей цели:

— А как считаете вы, принц Мирослав?

— Что за чушь?! Вы всё это время выгораживали себя! Решили, что я так просто поведусь?!

По правде говоря, Мирослав попал в точку, и всё же Уэйн ответил без тени сомнений:

— И я не вправе судить вашу мнительность. Тем не менее на кону моя честь и будущее Натры — дабы вы поверили мне, я готов доказывать правоту хоть до морковкина заговенья.

Мирославу на этом Консистории ключевое — титул иерарха для Скрея. Найти убийцу Тигриса не входило в планы. В то же время Уэйн открыто дружил со злейшим врагом — Эсвальдией. Избавиться от регента сыграло бы фалькасскому принцу на руку, однако так он потеряет время, а главной цели не достигнет.

Остальному Святейшему синоду не было дела, примкнёт к ним Скрей или нет. Скорее, они даже отмахнутся от предложения Мирослава: есть вопросы поважнее.

И теперь принц Фалькаса встал перед дилеммой: дальше давить на Уэйна или сдаться и свести разговор к Скрею. Сердце Мирослава металось из стороны в сторону.

— Принц Мирослав, — вдруг тихо позвали его.

Голос привёл юношу в чувства. Мирослав обернулся: Скрей смотрел на него прямо и одновременно с тревогой.

«Так я потеряю его доверие!» — осознал принц.

С союзным каваринским королём в иерархах Мирослав намеревался заполучить больше влияния в Консистории. Может, Скрей и войдёт в Синод, но упорство принца их разъединит. Этого нельзя допустить.

«Похоже, выбора нет...»

Проклиная себя, Мирослав повернулся обратно к Уэйну:

— Я согласен. В смерти принца Тигриса виновата Эсвальдия.

— Безгранично рад, что вы меня поняли, — ухмыльнулся регент, точно видел противостояние внутри фалькассского принца.

Мирославу же осталось только скрежетать зубами от злобы.

Уэйн оглядел оставшихся иерархов: Сильверию, Кардмелия, Стил и Грюйер. Убедит хотя бы одного — победа в кармане.

«Грюйер тот ещё упрямец: согласится, лишь если окажется один, — рассуждал парень. — Сильверию и Кардмелия чёрта с два передумают. Раз так, возьмусь за Стила!»

И только Уэйн открыл рот...

— Знаете ли, ваша версия касаясь Эсвальдии безупречна, принц Уэйн, — нарушила молчание Кардмелия. — Грантсалу должно сполна заплатить за содеянное.

Совет сходил на том, что префект использует преступление регента как повод раздавить Натру — уж точно не согласится с ним.

— Я правильно понимаю, что Его Святейшество разделяет мнение Вашего Высокопреосвященства? — поинтересовался Грюйер.

Сидевший возле Кардмелии Сильверию кивнул; слабо, но утвердительно. Всё-таки префект решала сама далеко не всё.

— А что же думают Его Величество Грюйер и герцог Стил? — спросила Кардмелия вместо Уэйна, окинув их многозначительным взглядом.

Они оказались в меньшинстве, и ни один не станет спорить, когда патриарх уже дал ответ.

— Принц Уэйн, — заговорил Стил. — Не опишите мне после в деталях смерть Тигриса?

— Разумеется.

— Благодарю. В таком случае я поддерживаю обвинение против Эсвальдии, — удовлетворённо объявил герцог.

Уэйн про себя извергнул проклятия.

Грюйер тяжело кивнул:

— Что ж, я тоже поддерживаю.

Истину погребли под непроглядной тьмой. Консистерий принял версию Уэйна и возложил вину за смерть Тигриса на Эсвальдскую империю, а сам незадачливый принц выпутался из передраги.

«Даже не знаю, радоваться ли... — Уэйн глянул на Кардмелию. — Почему она так просто согласилась? Бьюсь об заклад, вздумала заставить меня примкнуть к своей братии против Грантсала».

Юноша и бровью не повёл, и тем не менее, пока не разгадает новую тайну, покой ему заказан.

Иерарх Тигрис пал от рук эсвальдского ассасина. Весть об этом разлетится молниеносно и разом поставит весь Запад против восточной державы. На следующих встречах уже будут обсуждать, как покарать империю, и Натре покоя не дадут: силой ли, или же торговыми ограничениями — Кодбэлл заставят порвать с Эсвальдией. И Уэйн не откажет, ведь сам обвинил Грантсал во всех грехах.

«Как бы не так, Кардмелия! — решил Уэйн. — Настоящая битва только начинается!»

— Прошу прощения! — внезапно влетел в зал слуга. — Армия под знамёнами Каварина взяла в осаду Мильтас! Принц Бардлош повёл против них войска!

— ЧТО-О-О?! — обомлénно застыл зал, включая и Уэйна, и даже Скрея.

Лишь двое отличались. Патриарх Сильверии оставался неподвижен, будто каменное изваяние, а на лице префекта Кардмелия проскользнула тёмная улыбка.

<http://tl.rulate.ru/book/96391/3345941>